

 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-824-828

САМИГУЛЛИН Венир Калимуллович,

доктор юридических наук, профессор,
Уфимский юридический институт МВД России,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
e-mail: Svenir@internet.ru

ПРАВОПОРЯДОК В ДИСКУРСЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье в проблемном ключе рассматривается правопорядок как социально-юридический феномен, анализируемый сквозь призму культуры. На взгляд автора статьи, правопорядок не может быть понят вне культурного контекста, вне традиций, ценностей, норм и образцов поведения, укоренённых в сознании и повседневной жизни народа. Предлагается различать узко-юридическое (формальное) и широкое (культурологическое) понимание правопорядка. На основе данных истории, антропологии, философии права и культурологии выделяются восточный и западный типы правопорядка, а также смешанные и переходные формы. Автор обращает внимание, что правопорядок не только устанавливается государством, но и «вырастает» из культуры, поэтому его устойчивость и легитимность напрямую зависят от соответствия культурным кодам общества. Особое внимание уделено соотношению традиции и новации в поддержании правопорядка, а также роли правосознания, языка, религии и морали. Констатируется, что теоретическая разработка проблематики правопорядка в дискурсе культуры ещё далека от завершения и требует дальнейших междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: правопорядок, культура, дискурс, традиция, новация, правосознание, типы правопорядка, Восток, Запад, правовая культура.

SAMIGULLIN Venir Kalimullovich,

Doctor of Law, Professor,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Professor of the Department of State Law disciplines

LEGAL ORDER IN THE DISCOURSE OF CULTURE

Annotation. The article examines, in a problem-oriented manner, the legal order as a socio-legal phenomenon analyzed through the prism of culture. In the opinion of the author of the article, legal order cannot be understood outside the cultural context, outside the traditions, values, norms and patterns of behavior rooted in the consciousness and everyday life of the people. It is proposed to distinguish between a narrow (formal) legal understanding of legal order and a broad (culturological) one. Based on data from history, anthropology, philosophy of law and cultural studies, Eastern and Western types of legal order, as well as mixed and transitional forms, are identified. The author notes that legal order is not only established by the state but also «grows» out of culture, therefore its stability and legitimacy directly depend on compliance with the cultural codes of society. Special attention is paid to the relationship between tradition and innovation in maintaining legal order, as well as to the role of legal consciousness, language, religion and morality. It is stated that the theoretical development of the issues of legal order in the discourse of culture is still far from complete and requires further interdisciplinary research.

Key words: legal order, culture, discourse, tradition, innovation, legal consciousness, types of legal order, East, West, legal culture.

Наука там, где закономерность. Но можно ли говорить о закономерностях правового порядка, если рассматривать его не только как формальную определённую общественных отношений, закреплённую законом и обеспеченную государственным принуждением, но и как явление культуры – многомерное, исторически изменчивое, впитывающее в себя язык, религию, обычаи, нравственные идеалы и коллективные представления народа? Представляется, что без ответа на этот вопрос любое теоретизирование о правовом порядке оказывается неполным, а практические усилия по его укреплению – малоэффективными. Ибо правовой порядок, если основательно вдуматься, – это не только режим законности и не только система правоотношений. Это ещё и определённое состояние культуры, мера согласия между нормативным предписанием и реальным поведением, между долженствованием и сущим, между словом закона и совестью человека.

В юридической литературе советского периода, а отчасти и в постсоветской правовой науке, правовой порядок принято было рассматривать почти исключительно в инструментальном ключе: как результат действия правовых норм, как состояние упорядоченности, достигаемое силой принуждения. Культурные же аспекты этой проблемы либо вовсе игнорировались, либо отодвигались на периферию в рубрику «правовая

культура». Однако такое узкое видение, представляется, не выдерживает сопоставления с фактами реальности. Достаточно сравнить, как функционирует правовой порядок, например, в современной Японии. В этой стране огромную роль играют традиционные механизмы медиации и «сохранение лица», и в странах Западной Европы, где доминируют формальные судебные процедуры. Везде имеются законы, существуют суды, функционирует полиция – но правовой порядок не одинаковый, а разный. Почему? Ответ, очевидно, лежит в плоскости культуры. Что же такое «дискурс культуры» применительно к правовому порядку? Не вдаваясь в излишнее терминологическое многообразие, под дискурсом культуры мы будем понимать совокупность смыслов, ценностей, нарративов, символов и практик, которые разделяются членами данного общества и через которые они осмысливают и оценивают феномены порядка и беспорядка, законного и незаконного, справедливого и несправедливого. Дискурс культуры задаёт ту самую «оптику», сквозь которую граждане видят правовой порядок – либо как нечто чужое, навязанное, либо как органичную часть своей жизни. Конструктивен взгляд, согласно которому все учения о правовом порядке, если классифицировать их по отношению к культуре, могут быть разделены на три основные группы. Представим это в виде таблицы. См. Таблицу 1.

Таблица 1. Типология подходов к правовому порядку в дискурсе культуры

	Группы подходов	Основная характеристика	Примеры
	1	2	3
1	Нормативистский (узко-юридический)	Правовой порядок отождествляется с законностью, рассматривается как формальное соответствие поведения нормам права, независимо от культурного контекста	Ганс Кельзен, юридическая наука советского периода (марксистско-ленинская теория государства и права)
2	Культуроцентрический (широкий)	Правовой порядок понимается как элемент культуры, укоренённый в традициях, обычаях, религии и морали; закон эффективен лишь тогда, когда инкорпорирован в культурный код	Историческая школа права (Савиньи), Л.И. Петражицкий, некоторые направления правовой антропологии)
3	Синтетический	Правовой порядок есть результат взаимодействия формальных (государственно-правовых) и неформальных (культурных, социальных) регуляторов; признаётся их взаимовлияние	Современные интегративные теории права, концепция «живого права»

Приведённая классификация – не жёсткая. В чистом виде эти подходы встречаются редко.

Однако для анализа, особенно в сравнительно-правовом ключе, она думается вполне приемлемая.

Наука там, где закономерность. Какие же закономерности можно выявить, рассматривая правопорядок в дискурсе культуры? В порядке обсуждения обозначим следующие три закономерности.

Первая закономерность. В обществах, где правовая система формировалась «сверху» – по воле монарха или революционной власти, без опоры на укоренённые культурные традиции, – правопорядок оказывается непрочным, требует постоянного и массированного принуждения, а его нарушения воспринимаются населением не как проступок против общего блага, а как сопротивление чуждой силе. Напротив, там, где правопорядок постепенно «вырастает» из народных обычаев, из практики мирного разрешения споров, из общепризнанных нравственных заповедей, он пользуется более высокой легитимностью и самоподдерживающейся устойчивостью.

В качестве **второй** закономерности можно указать на следующее. Правопорядок и культура находятся в отношениях взаимного конструкта. Культура производит определённые типы правопорядка (восточный, западный), а сложившийся правопорядок, в свою очередь, формирует культурные стереотипы поведения – привычку к законопослушанию или, напротив, к обходу закона. Привычки сердца и нравы значат для демократии не меньше, чем формальные институты [1].

Третья закономерность: переход от одного культурного типа правопорядка к другому. Например, от общинного к индивидуализированному. Такой переход невозможен без глубоких культурных сдвигов, которые занимают не одно десятилетие. Взгляд, согласно которому достаточно принять хорошие законы, и правопорядок наладится, есть иллюзия и весьма опасная. Законы будут либо игнорироваться, либо использоваться как ширма для произвола, если они противоречат культурным установкам большинства.

Исходя из данных современных исследователей – антропологов, культурологов, историков права – в качестве основных факторов, определяющих специфику правопорядка в различных культурных дискурсах, могут быть названы:

1. религиозные основания (исламский правопорядок с его шариатом, правопорядок в обществах протестантской этики, христианская традиция в православной (византийской) версии и др.);

2. тип социальной организации (общинный

или индивидуалистический, патриархальный или эгалитарный);

3. отношение к закону как к ценности (легизм в Китае, идея «правового государства» на Западе, «правда» в русской традиции);

4. способы разрешения конфликтов (состязательный процесс versus медиация и примирение; публичное наказание versus восстановительные практики);

5. язык права – то, как правовые категории и понятия соотносятся с повседневной речью, с моральным словарём народа.

Конструктивен взгляд, отстаиваемый рядом мыслителей [М. Вебер (1864 – 1920), Р. Давид (1906 – 1990), В.С. Нерсисянц (1938 – 2005)], по которому предлагается различать восточный и западный типы правопорядка. При этом, как и в случае с происхождением государства, восточный путь формирования правопорядка древнее. Для него характерно: доминирование ритуала и обычая над законом (обычай не закон, но действует как закон), синкретизм правовых и нравственно-религиозных предписаний, слабое различие права и морали, высокая роль коллектива, приоритет примирительных процедур. Западный тип правопорядка (восходящий к римскому праву) – это формальная определённость, автономия права от морали и религии, отработанные процедурно-процессуальные формы, верховенство закона, гарантии прав личности (человека и гражданина) [4].

Однако было бы ошибочным абсолютизировать это различие. Современные исследования показывают, что в реальной жизни любого общества сосуществуют элементы и восточного, и западного типов. Более того, такой тип правопорядка, который может быть обозначен как смешанный. Это отнюдь не эклектика, а живая адаптация правовых институтов к конкретному культурному ландшафту. Важнейшей категорией, связывающей правопорядок и культуру, является правовая традиция. Традиция (от лат. *traditio* – передача) в данном контексте выступает как механизм трансляции ценностей, образцов поведения, способов толкования и применения норм от поколения к поколению. Новация же – как обновление, вызванное изменением культурной среды. При этом, заметим, не всякая новация полезна для правопорядка, и далеко не всякая традиция заслуживает сохранения. Проблема в том, чтобы найти меру соотношения традиции и новации. Применительно к правопорядку в дискурсе культуры эта мера есть степень согласованности новых правовых институтов с глубинными культурными кодами народа. Игнорирование культурных кодов – верный путь к правовому нигилизму [2].

Можно ли, изучая различные культуры в сопоставлении с состоянием их правопорядка, установить некие универсальные, общечеловеческие основания правопорядка? Данные современной науки, в том числе международно-правовые документы (Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года, Международные пакты о правах человека), дают утвердительный ответ. Право на жизнь, на личное достоинство, на справедливое правосудие, на защиту от произвола – эти ценности признаны сегодня глобальной культурой. Однако пути их институционализации, конкретные механизмы и процедуры могут различаться в зависимости от культурного дискурса. И в этом смысле правопорядок всегда локален, даже когда он апеллирует к универсальным принципам.

Отдельного рассмотрения заслуживает языковая ткань правопорядка. Не случайно в средневековом праве формулировались целые доктрины о значении слов, о клятвах, о символических действиях. Слова закона – это не просто знаки; они – часть культуры. Одно и то же предписание, выраженное на официальном [5], книжном языке и на живом, понятном большинству языке, будет по-разному восприниматься и по-разному влиять на поведение. Отсюда – проблема перевода правовых норм на язык повседневности, проблема правового просвещения и образования. Это не техническая, а именно культурная задача. В Российской Федерации, как и во многих других странах, проблематика правопорядка в дискурсе культуры обостряется в связи с многонациональным и многоконфессиональным составом населения. Здесь сталкиваются разные культурные традиции: от сельских общин, сохраняющих элементы обычного права, до мегаполисов с западными стандартами делового оборота. Как обеспечить единый в своей основе правопорядок при уважении к культурному разнообразию? Это, пожалуй, один из сложнейших вопросов, на который невозможно дать однозначный ответ. Ясно одно: игнорирование культурных различий ведёт к конфликтам, а их абсолютизация – к распаду государства.

В заключение позволим себе несколько выводов, которые носят предварительный характер.

1. Правопорядок не может быть адекватно понят и тем более эффективно построен без его рассмотрения в дискурсе культуры. Культура – не внешний фон, а внутренняя пружина правопорядка, его живая субстанция.

2. Необходима развернутая классификация подходов к правопорядку по признаку их отношения к культуре, что позволяет

упорядочить многообразие существующих теорий и практик.

3. Восточный и западный типы правопорядка – это не застывшие модели, а идеально-типические конструкции, которые в реальности смешиваются, порождая переходные и гибридные формы.

4. Традиции и новации в правопорядке требуют осторожного и взвешенного сочетания: радикальный разрыв с традицией разрушает легитимность правопорядка, а полное отрицание новаций обрекает его на застой и отчуждение от динамики общества.

5. Наиболее перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение конкретных механизмов «вращения» правовых норм в культурный опыт народа – через образование, язык, медиа, семью, религиозные институты.

Государства не только образуются, но и распадаются, гибнут и возрождаются [3]. То же самое можно сказать о правопорядке – особенно в его культурном измерении. Культурные коды могут утрачиваться, забываться, замещаться чуждыми образцами – и тогда правопорядок становится формальной оболочкой, не защищённой доверием и привычкой. Напротив, возрождение культурной традиции способно вдохнуть новую жизнь в правопорядок. Вопрос о правопорядке в дискурсе культуры – это, по существу, вопрос о том, как сделать так, чтобы закон был не внешней силой, а внутренним убеждением, чтобы соблюдение правил стало второй натурой человека. Ответ на этот вопрос лежит не столько в сфере юриспруденции, сколько в сфере воспитания, языка, искусства – всего того, что составляет культуру. И потому, на взгляд автора, будущее теории права – за её сближением с культурологией, антропологией, социологией и психологией. Только на путях междисциплинарного синтеза можно установить важнейшие закономерности, объясняющие, почему в одних культурах правопорядок цветёт, а в других – прозябает, почему одни законы живут, а другие умирают.

Наука там, где закономерность. Но закономерности правопорядка в дискурсе культуры ещё ждут своего исследователя.

Список литературы:

[1] Самигуллин В.К. О теориях происхождения государства // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 8–16.

[2] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. М. : Издательская группа «Прогресс», 1990. 808 с.

[3] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные

правовые системы современности : пер. с фр. М. : Международные отношения, 2009. 456 с.

[4] Нерсисянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М. : ИНФРА-М, 2017. 848 с.

[5] Краснова, С. В. Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений / С. В. Краснова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 52-56.

References:

[1] Samigullin V.K. On theories of the origin of the state // Law and statehood. 2025. № 1 (6). S. 8-16.

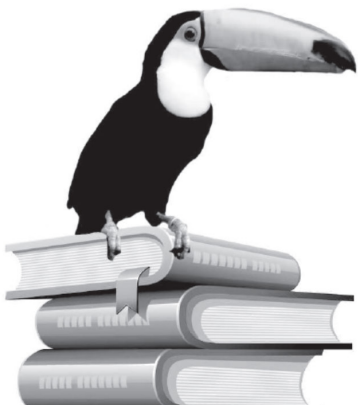
[2] Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism: trans. With German. M.: Publishing group "Progress," 1990. 808 pp.

[3] David R., Joffre-Spinosi K. The main legal systems of our time: trans. From French M.: International Relations, 2009. 456 pp.

[4] Nersesyants V.S. Philosophy of law: textbook for universities. M.: INFRA-M, 2017. 848 pp.

[5] Krasnova, S.V. National projects in the system of legal regulation of public relations / S.V. Krasnova // Law and statehood. – 2026. – № 1(10). – S. 52-56.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.